

III. Положение крестьян

Господствующий в наше время социальный строй оказывается еще более чудовищным, если сравнить с положением правящих классов положение городского и сельского рабочего класса. Начнем с земледельческих рабочих.

По непосредственной полезности класс земледельцев занимает первое место: ему мы все обязаны хлебом насущным. Если бы доказано было* что общественное неравенство фатально неизбежно, то следовало бы признать, что именно земледельцы больше всего имеют прав на преимущества. Да, Простой здравый смысл заставляет признать, что те люди, которые стоят в непосредственном общении с природой, неустанным трудом которых поддерживается вся жизнь общества, и составляют самый жизнецно-благотворный класс: мы обязаны ему за все, что мы имеем здесь на земле. Но ято в свою очередь делаем мы в отплату за те блага, которые они нам доставляют? Эти труженики, без которых все в нашем буржуазном обществе, вся жизнь должна мгновенно остановиться, получают ли они свою законную долю счастья? Находятся люди, отвечающие на этот вопрос.

утвердительно: да, получают. Находятся и чувствительные поэты, воспевающие, подобно древнему Виргпилю, безграничное блаженство „слишком счастливых землепашцев®. Сомнительно однако, чтоб это „блаженство® могло когда-нибудь существовать в древнем рабовладельческом государстве; и уж, во всяком случае, не в нашем современном обществе частных собственников можно искать такого золотого века. В самом деле, условия жизни крестьян — самые жалкие, и, поживши среди них, нельзя не испытать глубокого сострадания к этим миллионам людей, присужденных к таким каторжным земледельческим работам. Жизнь крестьянства совсем не похожа на ту, какую ее себе воображают. Мы охотно рисуем себе крестьян, как класс собственников, обрабатывающих свою землю и живущих на жатву, собранную ценою умеренного и здорового труда. Но то, что мы видим в действительности, нисколько не похоже на картинки, рисуемые нашим воображением. Мелкая собственность в земледелии представляет нечто совсем исключительное; почти везде крестьяне работают не на себя, а на крупных помещиков, которые соперничают в деле их эксплуатации. Жители деревень в огромном большинстве случаев являются просто батраками, можно даже сказать — крепостными, потому что теоретическая свобода, которую они могут пользоваться, на столько в действительности ограничена социальным современным строем, что — в последнем счете — их участь едва ли лучше участи древних рабов. Вставая чуть свет, они летом и зимой, в зной, в дождь или снег идут работать на чужих полях. С наступлением ночи они возвращаются в свои логовища и валяются от усталости на солому своего убогого ложа. Отдыхом пользуются едва несколько часов; на рассвете. еще с одеревеневшими от работы членами они должны впрягаться снова в трудовое ярмо. И так постоянно, в продолжение длинного ряда лет, до тех пор пока смерть не вернет их в эту землю, на которой они так долго страдали.

Таково общее положение крестьян в Европе. Но в некоторых странах и в отдельных земельных областях оно получило особенно ужасный характер, возмущающий всякого, даже наименее чуткого человека.

В Англии, в этой стране огромных богатств, есть крестьяне» живущие в таких же первобытных жилищах, как дикари, и жестоко страдающие от голода. В особенности сюда следует отнести жителей Шотландских островов. Вот как в IV томе Всеобщей Географии описывается Элизе Реклю быт крестьян этой области: „Шотландские острова, некоторые из Гебридских и даже самый обширный остров Леви принадлежат одному только собственнику, который фактически держит в своих руках все права жителей и косвенно располагает жизнью своих „подданных“, так как один он может доставить работу, и может заставить жителей выселиться с их родины, то есть с его владений. Вот почему некоторые острова, как, например, Рум и Барра, некогда очень населенные, стали почти пустынными. А между оставшимися жителями имеются еще настолько несчастные, что исландский мох — является для них Лакомым блюдом, и добываемые из моря рыба и водоросли составляют всю их пищу. Кишечные заболевания и в особенности несварение желудка очень распространены здесь вследствие плохой пищи. Частотой подобных заболеваний, вызывающих различные галлюцинации, известные медики объясняют случаи „ясновидения“, о которых так часто упоминает история этих островитян. — Деревни на острове Леви представляют, быть может, нечто беспримерное в Европе. Лачуги имеют вид накиданных скал и ветвей. Туземные крофты собирают камни, рассеянные по торфяной почве, и складывают из них две концентрические, неуклюжие стены; пространство между ними в несколько футов наполняется землей и гравием, отчего такое сооружение является совершенно непроходимым для теплых солнечных лучей. Целый лее старых весел, перекрещивающихся досок и ветвей поддерживают крышу из Толстого слоя земли и торфа, округленно выступающую над наружную стеной; на крыше скоро разрастается трава, и крыша становится любимым местом прогулок и игр для детей, собак и ягнят. Единственная дверь ведет в безобразнее жилище в котором постоянно горит огонь, поддерживаемый торфом. Жара и дым в жилище Крофта невыносимы для непривычного человека, но поддерживать огонь необходимо, чтоб несколько просушить сырость которая постоянно просачивается сквозь земельные стены и крыши. Лошади, коровы, овцы — все мелкорослые вследствие постоянной бескормицы — помещаются с краю в хижине, и дети таскают им кости, которые коровы любят глотать...

Таковы жилища большинства жителей Гебридских островов".

В Ирландии положение земледельцев такое же скверное. „И здесь также тысячами встречаются вырытые в земле убежища, полные едкого торфяного дыма, где по 10 — 12 человек живут вместе и спят на грязном полу в перемежку со свиньями". Недостаток питания и нездоровая обстановка продолжают непрерывно подтачивать преждевременно жизнь обитателей целых областей. Голодные крестьяне все больше разбегаются, забрасывая земли. Значительные пространства, еще недавно обрабатываемые, теперь забрасываются и пустуют. Крупная земельная собственность сеет смерть и расширяет пустыню вокруг себя. Пахотная площадь в Ирландии с 187-го по 1885 год уменьшилась на 200,000 десятин (216,000 гект.).

Печальное зрелище, поражающее наблюдателя на западе Европы, встречается его также на востоке. Отправьтесь в Венгрию, в Галицию, в Придунайские княжества, в Россию, и вы там встретите миллионы/человеческих существ* столь же несчастных, как шотландские крофтеры Или ирландские крестьяне. Вы можете непрерывно, по целым дням путешествовать в этой половине Европы, не встретив других жилищ, кроме убогих хижин-мазанок, крытых соломой или тростником. Есть там большие деревни, где вы не увидите ни одного деревянного жилья. И так живут миллионы батраков, живут как рабы, благодаря крупным землевладельцам и еврейским ростовщикам. Жизнь этих бедняков поистине ужасна: они довольствуются одной маисовой мукой и водкой низшего сорта и только этим поддерживают свои силы на непрерывной работе. Когда из богатых городов Австрии попадешь в равнину Венгрии, Галиции, Румынии, России. — то нет ничего печальнее зрелища несчастных крестьян, трудящихся на этих поразительно плодородных землях, которые прокармливают миллионы людей, а им не дают нужного куска хлеба. Во время жатвы, особенно когда солнце безжалостно заливает своими лучами выжженную землю, тяжело смотреть на длинные ряды рабочих, надрывающихся под команду алчных надсмотрщиков, которые следуют по их пятам, непрерывно налегают на измученных людей, сопровождая понукания скотской бранью, а иногда и ударами бича. Работа в крупной экономии получает тут полное сходство с военной экспедицией под командой беспощадных начальников, которые подгоняют свои отряды ударами шашки, В первый раз при виде этих рабочих я испытал на мгновение такую иллюзию: я подумал, что вижу перед собой каторжников, а мечущиеся между рабочими старосты представлялись мне надзирателями, следящими за осужденными и руководящими ими.

Особенно гнетущее зрелище — представляют работы у паровых молотилок. Здесь к физическому изнеможению прибавляется еще серьезная опасность быть изувеченным. Снопки хлеба, которые работники непрерывно подбрасывают в машину, порождают ужасную пыль, которая образует на пространстве 18 — 22 сажень кругом тучу, густую как смерчь в песчаной Сахаре. Работников совершенно застигает эта темная туча пыли, которую даже порядочный ветер не в силах разогнать. Между молотильщицами встречаются совсем молодые девушки; я видел даже детей. Все они остаются по целым дням в этой ужасной атмосфере; и такая работа повторяется ежегодно в продолжение 1 — 2 месяцев. Тщетно спрашиваешь себя, как люди не задохнутся в атмосфере растительной и минеральной пыли, наполняющей их легкие. Впрочем, большинство из них быстро наживает чахотку. Это обстоятельство вынуждает по прошествии нескольких лет замещать новыми молотильщиками прежних, ставших негодными.

Из всех восточных стран положение крестьянства в России, быть может, самое злосчастное, по крайней мере в некоторых частях Росстгп, где суровость климата усиливает страдания, порождаемые общественным строем. Не таково мнение богословов официальной экономической науки, постоянно твердящих о блестящих результатах указа 19 февраля 1861 года. По их словам, после крестьянской реформы имеются только свободные крестьяне, обрабатывающие собственные наделы и счастливо живущие трудами рук своих. Но любезные комики, рассказывающие нам подобные сказки, забывают добавить, что эти так называемые крестьяне-собственники так обременены всевозможными налогами, что для собственного пропитания им остается очень мало или почти ничего; по крайней мере — значительная часть крестьян никогда не могла уплатить сполна выкупных платежей,

причитающихся по положению 1861 г.; другие после воли вынуждены были продать свои наделы; даже в великорусских общинных селениях некоторые крестьяне должны были уступить свои наделы общественной земли. Те и другие, разоренные помещиками и кулаками, впали в кабалу к ним; и в настоящее время сельский пролетариат в России исчисляется миллионами, а земледельческий класс в целом находится в самом жалком положении.

На Юге Европы констатируются точно такие же душу раздирающие факты. В Италии нищета крестьян, быть может, превосходит нищету рабочих восточных стран. Особенно печален тот факт, что как раз в самых плодородных провинциях этой чудной страны встречается наибольшее количество несчастных бедняков. На лихорадочных и разоренных равнинах Тосканы и Лациума, где жестокая, неумолимая малярия производит свои опустошения, условия жизни землепашцев уже достаточно тяжелы, но они еще хуже в Ломбардии и в других здоровых областях. Здесь не вредный климат, а голод губит народ, от ужасной болезни, называемой миланской проказой — пеллагрой и вызываемой единственно плохой пищей, тысячи крестьян ежегодно умирают или доходят почти до состояния мертвецов. Количество больных миланской проказой очень значительно в северной Италии. По официальным сведениям их насчитывалось в 1879 г. 97,885 человек в Ломбардии, Венеции и Эмилии.

Цифра, сама по себе, огромная, но она несомненно много ниже действительности, если принять во внимание, что крестьяне богатых ломбардских равнин спят в тесных, дурно проветриваемых хижинах, питаются только отвратительной кукурузной кашей, называемой полента, и работают на своего хозяина от 12 — 16 часов в сутки. С деревенским пролетариатом так дурно обходятся во всей северной Италии, что невольно напрашивается вопрос, не лучше ли ему сразу умереть от малярии, чем медленно умирать под ярмом помещика. Богач в этих местах — * горший бич народа, чем зараженный воздух тамошних болот.

Южная Италия для крестьян является таким же ужасным местом. Прежде всего вообще нелегкий труд земледельца становится особенно невыносимым в стране, где летом тропическая жара и болотные заболевания делают его на открытом воздухе прямо гибельным. Вот что говорит об этом писатель Ф. Ленорман, обстоятельно знакомящий с южной Италией в своей интересной книге „Великая Греция“.

“ „В невыносимый зной жатва представляет настоящую военную кампанию, столь же смертоносную, как и под огнем неприятеля. Земледелец является здесь солдатом, выступающим в правильный бой с враждебными силами природы. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь из рабочих не падал, чтобы больше уже не подняться, на том самом поле, на котором он жил, пока его не сразил солнечный удар или не схватила болотная лихорадка. Я предоставляю читателям решать, каково опустошительное действие малярии по вечерам, когда батраки, плохо питаемые, мокрые от пота,

находят для ночлега лишь плохие, дырявые сараи или даже, просто шалаши из листвы, куда свободно проникают влажные болотные испарения и ночной холод".

Особенно печально положение сельского пролетариата в силу его общественного положения в стране, где крепостное право, по закону уничтоженное, фактически продолжает существовать. В самом деле, вся земля почти сплошь захвачена родовитым дворянством, не живущим в своих владениях. Имения поручаются жадным кулакам-управляющим, которые мучают и эксплуатируют крестьян без всякой злости. Приведем здесь несколько жестоко красноречивых страниц из только что цитированной нами книги.

“ „Что касается крестьян южной Италии, то чаще всего это батраки, погруженные в самую жестокую нищету, перебивающиеся изо дня в день, без всякой надежды улучшить свое положение путем сбережений из своего ничтожного заработка. Или фактически прикованный к своему ярму, или привыкший к кочевой жизни, имеющей на него развращающее влияние, крестьянин здесь едва владеет орудиями труда, но никогда не является собственником убогого и нездорового жилища, занимаемого им в зараженных предместьях городов, где продолжительное отсутствие безопасности в стране заставило их скучиться. Ведь в южно-итальянских провинциях нет деревень, как у нас, нет сопряженных с деревнями благоприятных для крестьянина сторон деревенской жизни, когда он имеет отдельный домик с огородом. Земледельцы большей части прежнего Неаполитанского королевства живут, как на востоке, целыми городами в несколько тысяч жителей: такая скученность обеспечивала до некоторой степени безопасность от набегов разбойников и пиратов. Для большей безопасности эти города часто расположены в трудно доступных местах и обыкновенно на расстоянии целого дня пути один от другого. Кроме нескольких купеческих домов городок составляет полную собственность крупного землевладельца, обыкновенно того самого, у которого жители обрабатывают землю. В силу этого они остаются его арендаторами без формального договора, ничем не обеспеченные; так что простая прихоть землевладельца или его управляющего может в любое время без суда и расправы в 24 часа лишит его крона и работы. Такое положение является обычным в большей части Италии”.

„За то же и крестьянин этих областей представляет собою того „дикого зверя“, о котором говорит Лабрюйер, — „грязного, синевато-багрового, опаленного солнцем, привязанного к земле, которую он вздымает и взрывает“. К нему без, преувеличения можно отнести слова того же Лабрюйера: „он возвращается ночью в свое логовище, где питается черным хлебом, водой и кореньями“. Под предлогом, что итальянский мужик туп и неспособен обучиться чему-нибудь более совершенному пользоваться средствами и орудиями труда культурных людей, на самом деле в силу только подлой скаредности, его заставляют работать, как египетского феллаха. Впрочем, в Египте труд земледельца может сравнительно оказаться даже более благоприятным, так как тамошний климат совершенно здоровый. В Египте не

приходится ни обрабатывать землю, причиняющую своими испарениями тяжелые заболевания, ни купаться в полужидких трясилах зараженных марен.

Кто бы мм поверить, не побывав на месте, что есть в Европе, в великом культурном государстве, целые кантоны, где можно видеть, что каналы для сушки болот прочищаются с помощью простых ивовых корзин, при чем для удаления нагруженных илом корзин пользуются не животными, а бедными женщинами, молодыми дёвушками и детьми, которые буквально залеплены грязью, стекающею из корзин гgm на голову и одежду. Это такое зрелище нищеты и унижения, хуже которого ничего быть не может, и кто хоть раз был его свидетелем, не забудет еeo никогда.

„В том случае, когда крестьянину удастся добиться шк ложения арендатора, стать хозяином мызы, — его страдания становятся легче, его жизнь, хотя еще достаточно тяжелая, делается несколько более сносной, он может обеспечить себе некоторый доход, лучше питаться и лучше одеваться.л Но все это лишь при условии быть покорным слугою, безусловно повинуюсь всяким капризам барского приказчика и его сподручных. Горе тому мызнику, который вздумал бы сохранить в чем нибудь даже тень независимости, кто поколебался бы сразу подчиниться какому бы то ни было приказу фаттора:), или попытался бы хоть возражать ему. Горе ему, потому что ничем не гарантировано его положение, никакой формальный договор не обеспечивает за ним на определенный срок владение мызой; у крестьянина договор не скреплен

*) Так называется в Италии лицо, снимающее у помещика его земли и эксплуатирующее их па правах хозяина, либо обрабатывая землю наемным трудом, либо сдавая ее от себя в аренду мелкими участками.

законным документом. Фаттор или *mcrcansedi compagna* по договору снимает у землевладельца землю, но у крестьянина нет арендного договора, заключенного письменно на срок и имеющего законную силу. Из простых работников его сделали мызником или из „милости“, купленной обычно дорогой ценой, или, что бывает чаще, мыза с незапамятных времен арендовалась предками крестьянина, так что под конец такой крестьянин начинает питать убеждение, что при соблюдении известных условий он на законном основании может пользоваться мызой. Но в действительности это пользование остается все время непрочным, как не основанное на документе, и держится на одном молчаливом согласии, нисколько не заменяющем формального договора па срок. Каждый год, в указанное обычаем время помещик или лицо, его заменяющее, может прогнать крестьянина с занимаемого им хутора и даже без возмещения убытков арендатору. Между прочим точно такой же порядок арендных отношений был в Ирландии до первых существенных, хотя и недостаточных, реформ в этой области”.

“ „Фаттор — временный хозяин в имени. По истечении срока арендного договора с собственником он может быть заменен другим, предложившим землевладельцу более выгодные условия. Поэтому фаттору нечего щадить,

и он мало беспокоится о том, что доведет население до истощения. Как турецкий паша в отношении к управляемой провинции, он имеет в виду только одну цель: как можно скорее разбогатеть, чтобы получить возможность вести в городе жизнь богатого буржуа и стать влиятельным избирателем. Ради этой цели он прижимает крестьян до крайности, заставляет их беспощадно работать в таких условиях, которые при наименьших издержках давали бы наибольшую выгоду"...

“ „К этому надо добавить грубую распущенность нравов под влиянием жаркого климата. Если в семье мызника или простого батрака растет молодая девушка, красота которой на ее несчастье привлекла внимание фаттора или когонибудь из его помощников, тогда родители вынуждены либо принять бесчестие дочери, либо лишиться всего, быть прогнанными с земли, оказаться в безысходной нужде"...

“ „До сих пор новая Италия ничего не предприняла к облегчению страданий своего сельского населения. Политические революции, давшие Италии национальное единство, лишь ухудшили его положение... Поэтому в итальянских деревнях начинает чувствоваться глухое брожение, предвещающее великие осложнения..."

Приведенные страницы написаны в 1881 году; их автор консерватор и добрый католик, следовательно — более склонный разжигать, чем сгущать краски в изображении печальной общественной действительности. Однако мы видим из его обстоятельного описания, как невыносимо положение итальянских крестьян. Но что же! Приходится лишь признать, что таково оно почти везде, во всех почти странах земледелец в полной зависимости от землевладельца, который эксплуатирует крестьянина и заставляет его жить впроголодь. Все писатели, изучавшие положение земледельческого класса в разных странах, вполне согласны в этом отношении. Что же касается до меня, то во всех тех странах, которые по воле судьбы мне пришлось посетить, я мог достаточно убедиться в этой жестокой истине. Но разве даже во Франции, где крестьян принято считать наиболее счастливыми, мы не находим картину, очень близкую к сейчас описанной? Разве мы не знаем, что миллионы людей работают от 12 до 14 часов в сутки на крупного буржуа, получая в награду за свой труд лишь черствый хлеб, да и тот не в волю. Правда, в нашей стране не увидишь хижин из веток и грязи, как в Италии или в придунайских странах, но можно ли признать, что лачуга нашего крестьянина с одним отверстием для входа много лучше, и не чудовищно ли, что земледелец, создающий огромные сельскохозяйственные богатства, которыми мы все пользуемся, сам живет, по милости богатых земельных скупщиков, в лачуге без воздуха, в которой ни один зажиточный буржуа не мог бы пробыть и одного дня, и которая в гигиеническом отношении хуже казармы?

Вообще, какую бы страну мы ни изучали, везде мы находим, что чудовищное богатство крупных землевладельцев основано на нищете земледельцев.

Лица, встречавшие крестьян лишь в пригородах больших городов, где те живут сравнительно сносно, мог подумать, что выше нарисованные картины встречаются в жизни как исключения, а между тем все нами сказанное представляет заурядную действительность во всей ее суровой правде. Для тех, кто еще может в этом усомниться, есть очень простое средство убедиться в истинности наших слов: а именно проверить, насколько заработная плата сельско-хозяйственных рабочих в состоянии покрыть их самые насущные потребности.

Мы знаем (из другой нашей книжки), что человеку нужно" ежегодно потреблять в общем около 1200 фунтов питательных веществ. Переведя на деньги стоимость этого количества продуктов по средним ценам, существующим в деревне, получим сумму в 120 франков (около 45 руб.). Среднюю годовую величину издержек на другие нужды, кроме пищи, также легко высчитать. Мы уже знаем ее: для зажиточного буржуа она составляет 600 франков, для крестьянина самое меньшее 300 фр. (около 130 руб.). Из этих данных получается следующая табличка:

Обязательные расходы крестьянина:

на пищу	120 франков.
на квартиру, одежду и пр.	300 франков.
Всего	420 франков.

Эта сумма в 420 фр., то есть 168 рублей, представляет довольно точный минимум необходимых для крестьянина годовых расходов. Крестьянин, который зарабатывает такую сумму, может при расчетливости удовлетворить первые потребности в пище, одежде и т. п., но у него уж ничего не останется ни на что другое. Одним словом — он не будет страдать от голода и холода, но останется бедняком. И что же! даже тот самый скромный заработок, необходимый крестьянину, чтобы только прожить с грехом пополам, дается не всякому; миллионы батраков его не имеют Знайте же,

счастливы мира сего, что эти 420 фр., которые вы часто прокучиваете в один вечер, не может заработать огромное множество несчастных в течение целого года, трудясь более 3000 часов! Заработная плата в деревне чрезвычайно низка. Огромное число батраков в Италии, Германии, Австрии, Румынии, Франции, Ирландии зарабатывают в среднем менее 5 коп. в день и буквально пухнут с голоду, ходят босые и без рубах. Другие зарабатывают по 1 фр. (37 коп.) в день или 365 фр. в год, — и они все еще являются бедняками. Лишь

незначительное число получает свыше 420 фр. годового заработка, но таких счастливых немного на этом свете. Действительно лучшим доказательством того, что большая часть земледельцев гибнет в нищете, служит то: для всей Европы средняя поденная плата сельскохозяйственным рабочим колеблется между 1 фр. 20 сантимами и 2 франками (45 — 80 коп.). Есть, правда, и такие местности, где наемные земледельцы добывают в год 600, 800 и 1000 фр., но не забудем, что большая часть из них люди женатые, с большими семьями, которые им приходится содержать, а потому, без сомнения, они не освобождены из-под гнета бедности или прямой нищеты. Если сельский рабочий имеет 3, 4 или 5 детей и заработает даже 1000 франков в год, то он никогда не сможет покрыть этой суммой всех своих насущных потребностей. В семье из пяти человек — отца, матери и троих детей (обычный размер семьи французского крестьянина) на одно только прокормление требуется 600 франков. Даже если мать с своей стороны что-нибудь заработает, неужели вы думаете, что при этой сумме семья не будет испытывать лишений? А если количество детей значительно больше? Если их 4, 5, 6 малолетних мальчиков или девочек то не будут ли все терпеть нужду?

Нам немыслимо точно указать численность земледельческого пролетариата, находящегося в положении хронической нужды и нищеты. Мы полагаем, что таких от 40 до 50 милл. человек. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что добрая треть земледельческого населения Европы и Соединенных Штатов С. Америки зарабатывает менее 420 франков, Этот факт представляется просто ужасным, когда подумаешь, как много должен бы дополучить каждый из этих изголодавшихся работников при равном распределении продуктов земледелия и промышленности между всеми членами общества.

В первом нашем очерке мы показали в килограммах x) долю каждого при таком распределении пищевых продуктов; наш расчет был основан на научных данных физиологии. Интересно теперь выразить в франках стоимость всех продуктов сельского хозяйства, которую мы потом прибавим к стоимости необходимых предметов промышленности. Вот эти стоимости, которые мы получили с помощью официальной статистики.

Средняя годовая стоимость пищевых продуктов, производимых в Европе и Соединенных Штатах за 1881 — 1886 г.

Зернового хлеба	35,084,000,000 франков	
Овощей и плодов	16,660,000,000 франков	
Сахара и меда	1,360,000,000 франков	

Различи, видов мяса	17,873,000,000 франков	
Молока и яиц	14,600,000,000 франков	
Продуктов рыбной ловли	2,000,000,000 франков	
Всего	87,577,000,000 франков.	

Эта сумма в 87,577,000,000 франков 2) представляет стоимость пищевых продуктов по оптовым ценам и на месте их производства. Если мы желаем иметь действительную стоимость тех же продуктов по расчету цен, которые платит сельский рабочий, то должны прибавить к вышепоказанной сумме посреднический барыш, остающийся в руках розничных торговцев. Эта надбавка на предметы питания не очень значительна в деревнях. В общем можно сказать, что торговая стоимость продуктов питания по сельским ценам

*) Килограмм — почти 2 фунта.!

«) В нашей брошюре les Produits de l'Industrie мы привели цифру 78 миллиардов, заимствованную у Мюдьгалла, эта цифра ниже действительности. Но все высказанное нами верно и при исправленной цифре.

составит не менее 100,000.000,000 франков 1). Сумма денег, которую ежегодно можно было бы распределить между всеми жителями Европы и Соединенных Штатов, такова:

стоимость пищевых продуктов	100 миллиард, франк., продуктов индустрии 8141,3 » »	
Всего	9141,3 миллиард, франк.	
По расчету на одного жителя это составит: на пищу	258 франков,	
на предметы индустрии	2104 франка	
Всего	2362 франка.	

Составим общую таблицу, в которой вышеприведенные данные сопоставим с ежегодным средним заработком большинства земледельческих рабочих, считая по 1 франку в день.

Стоимость годового количества продуктов земледелия и индустрии, приходящихся на одного жителя по сравнению с потребностью в них и обычным заработком крестьян в 1887 году:

Произведет.	Потребн.	Зараб.
Пищевых продуктов	258 фр.	120 фр.
Промышленных	2104 фр.	300 фр.
Всего	2362 фр.	420 фр.

Последняя таблица лучше самых красноречивых рассуждений показывает всю гнусность капиталистической эксплуатации, царящей в современном обществе. Производительность земледелия и промышленности доставляет каждому жителю 2362 фр.; для жизни в деревне требуется самое меньшее

*) Не считая вина, которого производится почтл на 4 миллиарда франков.

420 фр., следовательно получается излишек в 1942 фр. от каждого человека. И что же! Класс вампиров-капиталистов не только поглощает весь этот огромный излишек, но он еще удерживает из необходимых средств для существования 50 миллионов крестьян по 55 фр. и больше с каждого. Ему мало поглотить в 10,20 раз больше того, что ему действительно необходимо, он еще норовит урвать кусок от плоти бедняков, чем и завершает свое каннибальское дело<

Вот до чего мы достигли по прошествии 19 столетий после смерти Того, Кого так любят призывать буржуа, лицемерно повторяя, что все люди — братья. Общее положение нисколько не улучшается, как думают некоторые, оно еще ухудшается под влиянием новых экономических условий. По всей Европе слышен стон крестьянской нищеты; со всех сторон раздаются жалобы и рыдания; безнадежное уныние все больше разливается по деревням, и крестьянин все сильнее охладевает к земле. К той самой земле, на которой он родился, которая кормила его предков, он относится с ужасом, с тоской; он устал страдать, унижаться, умирать медленной голодной смертью, — и без оглядки бежит из этого ужасного ада крестьянской действительности, бросаясь на поиски новых более благоприятных условий, при которых он мог бы по крайней мере существовать. Это движение, увлекающее европейских крестьян с их родины, стало непреодолимым; в некоторых странах оно приняло размеры настоящего исхода израилева. Эти, банды голодных крестьян-эмигрантов напоминают великие переселения народов конца Римской Империи и начала Средних веков, когда целые народности перемещались с одного конца

